

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ

Принятие и утверждение в 1987 г. федеральным правительством Австралии основных принципов национальной политики в области языков является, по сути, кульминацией затянувшегося процесса по вопросам существенных изменений в сфере политических представлений об языках Австралии.

Формирование общественного мнения в пользу проведения национальной политики в языковой сфере началось в конце 70-х гг. 20 в. Так, сенатский запрос, последовавший в 1982 г., явился отражением накопившихся не решенных вопросов в области взаимодействия языков и распределения их социальных функций, а также политических интересов, среди которых наиболее важными были следующие. Во-первых, столкновение интересов языковых групп (речь идет о профессионалах, занимающихся вопросами развития и функционирования языка, и этнических группах). Во-вторых, всецелое вовлечение в процесс разрешения языковых и этнических споров правительственной бюрократии и ее собственное понимание перспектив осуществления принципов языковой политики в стране. В-третьих, принятие верного политического решения в условиях чрезвычайно критической ситуации, когда наблюдается поступательное сокращение правительственных расходов на дорогостоящие программы.

Организации, профессионально занимающиеся вопросами развития и функционирования языков

Конец 70-х гг. XX в. ознаменовался объединением усилий организаций ALAA (Applied Linguistic Association of Australia-Лингвистическая Ассоциация Австралии по прикладным вопросам) и AFMLTA (Australian Federation of Modern Teachers Associations-Австралийская Федерация ассоциаций современных преподавателей) с другими, подобными им по выполняемой миссии. В их задачу входило изучение многочисленных аспектов языковой политики, обмен конструктивным опытом и координация своих языковых кампаний в сфере использования многочисленных языков Австралии. Именно ALAA была первым профессиональным сообществом, объединившим усилия тех, кто занимался преподаванием иностранных языков, языков коренного населения, английского языка как второго, языков для специальных целей. Ей удалось внятно сформулировать общие интересы в области функционирования и развития языков, придав данной актуальной проблематике политическое звучание. Результатом сотрудничества вышеупомянутых организаций явился факт объединения интересов интеллектуалов и специалистов-прикладников, которые раньше считались скорее конкурентами, а не партнерами. Своеобразная политическая интервенция сложившейся в 1978 г. коалиции выразилась в формулировании ключевых предложений языковедов и преподавателей-практиков и обращении с ними в правительство.

Первое предложение касалось учреждения Информационно-исследовательского центра по языку (NLIRC- National Language Information and Research Centre), который, по замыслу его создателей, должен был сыграть важную роль в предоставлении возможности координировать объем и содержание исследований и распределять имеющиеся средства при проведении мероприятий в области планирования и прогнозирования языкового развития. Так, некоторые авторы концепции рассматривали данный центр как имеющий в числе первых задачу заниматься вопросами функционирования второго языка, а также вопросами, касающимися проблемы оказания поддержки развитию этнических языков. В ряду его основных функций называлась выработка стратегических направлений и координирование исследовательской деятельности с последующим распространением полезных результатов исследований и другой информации, имеющей прямое отношение к функционированию языков на территории Австралии [7. Р. 13].

Совет по образованию Австралии (Australian Education Council), координирующий орган федерального министерства и министерств образования штатов, получил данное предписание в 1979 г., однако никаких ответных действий не предпринял. Справедливости ради следует отметить, что данное предложение вызвало интерес. На совместном заседании языковых ассоциаций и Центра по подготовке и развитию учебных планов и рабочих программ в ноябре 1979 г. (CDC- Curriculum Development Centre) начинание было поддержано с одной лишь поправкой – сконцентрировать исследовательские усилия Центра на вопросах преподавания английского языка как родного и как второго.

Акцентируя своеобразную хрупкость зарождающейся коалиции, занимающейся взаимодействием языков, Д. Инграм не согласился с перспективой, предложенной CDC, справедливо опасаясь, что проблемы,

* © Е.Б. Гришаева, Красноярский государственный университет, 2004.

функционирования второго языка, а также оказания поддержки этническим языкам, испытают на себе разрушительное влияние в случае придания английскому языку дополнительных общественных функций: «История преподавания второго языка в Австралии свидетельствует о том, что, когда его преподавание ассоциируется с программами обучения английскому языку, оно полностью утрачивает свои характерные особенности. Я абсолютно уверен, что преподаванию вторых языков в скором времени будет уготована данным Центром участь языков национальных меньшинств» [7. Р. 14].

Для перехода к осуществлению принципов языковой политики в 1978 г. была предпринята попытка по воздействию на премьер-министра страны. С этой целью президент Лингвистического общества Австралии Рэй Кател обратился от лица лингвистических ассоциаций к Малколму Фрайзеру с представлением о том, что в Австралии назрела необходимость разрешения некоторых языковых проблем проведением в жизнь последовательных действий, направленных на осуществления адекватной национально-языковой политики. Координацию всех мероприятий могли бы осуществлять, по его мнению, специально созданные институциональные органы. Считалось целесообразным учредить комитет, в задачу которого входило бы всестороннее изучение языковых проблем и способов их разрешения [1.S1137].

Господин Кател отметил при этом, что австралийское общество до сих пор характеризуется подавляющим монолингвизмом и отсутствием заботы о других языках. Данное обстоятельство, без сомнения, ограничивает возможность общения австралийцев со своими соотечественниками-иммигрантами и аборигенами [1.S1137].

Наряду с этим Кател выразил обеспокоенность тем, что языки не рассматриваются сколько-нибудь серьезно в рамках образовательной или социальной политики. Даже в такой критической и противоречивой области, как азиатские языки и культуры, различные научные школы прибегают к «мягкому» подходу рассмотрения прежде всего культур, а не языков, что, без сомнения, является доказательством и следствием природной лени и посредственности австралийцев [1.S1138]. Исторически сложилось, что языкам в Австралии никогда не уделялось должного внимания, несмотря на существовавшую необходимость межкультурного понимания. Всегда в обществе ощущалась нехватка своевременных активных действий со стороны профессионально вовлеченных в процесс принятия решений на языковом уровне специалистов.

Обращение Катела к премьер-министру страны выражало в целом надежду на правительство, которое способствовало бы и оказывало бы позитивное влияние на карьерный рост служащих публичного сектора. Навыки и умения служащих в области иностранных языков могли бы стать приоритетными и считались бы ключевыми критериями при продвижении по служебной лестнице [1.S1139].

Профессор лингвистики в ANU (Australian National University – Австралийский национальный университет), вице-президент Австралийского лингвистического Общества, Р.М.Н. Диксон, отвечая на сенатский запрос, сослался на мнение министра образования, сенатора Каррика, который не считал возможным организовывать еще один комитет, который сосредоточился бы на изучении языковой ситуации в Австралии и решении языковых проблем. Сенатор предложил отложить рассмотрение данного вопроса, по крайней мере, на два года, пока не пройдут публичные слушания и обсуждения.

Как показала жизнь, изначальные предложения Катела, какой должна быть национальная политика в языковой сфере, претерпели существенные изменения. Итогом деятельности профессиональных ассоциаций по вопросам функционирования языков явилось политическое лоббирование языковых проблем через создание широкой парламентской коалиции. Деятельность данной коалиции навлекла на себя недовольство со стороны таких маститых ученых, как Д. Инграм и Т. Куин, занимающихся вопросами изучения и преподавания английского языка как второго. В круг их интересов входило также создание мотивации по изучению иностранных языков, имеющих стратегическое значение для таких сфер, как дипломатия и обеспечение обороноспособности страны.

В своей знаменитой работе 1979 г. «Аргументы в пользу национально-языковой политики» Д. Инграм апеллирует к императивам мультикультурализма и призывает правительство Фрайзера обращать внимание на языковую проблематику: «Осуществление роли, ценностей и важности изучения второго языка в продвижении внутренних и международных интересов австралийского общества никогда не было так значимо, как сегодня. В своей предвыборной речи 1977 г. премьер-министр высказывался в поддержку всеобщего билингвизма» [6. Р.4].

Однако, несмотря на подобные декларации, функционирование языков в школах Австралии оставалось на прежнем уровне. Учителя с прискорбием констатировали факт, что во многих регионах Австралии изучение языков находится в ужасающем состоянии и далеко от позитивного влияния идей мультикультурализма [6. Р.5].

Инграм сосредоточил основное внимание на языках, отличных от английского (LOTEs – Languages other than English), и на изучении второго языка, в частности. Автор статьи пытался проанализировать причину неадекватного, на его взгляд, отношения Австралии к языковым проблемам в области внешней

политики и торговли, непризнания зарубежных квалификаций и безнадёжного состояния многих языков аборигенов.

Ученый выразил свою безоговорочную поддержку Кателу, который в свое время настаивал на создании комитета экспертов по выработке политических рекомендаций в области функционирования языков. Он писал: «Необходимо сформировать, по крайней мере, Сенатский комитет или комитет по запросам, который был бы наделен функцией делать представления от широкого круга экспертов по языковым вопросам» [6. Р. 15]. В конечном итоге Инграм выразил надежду на объединение усилий в сфере языковых интересов различных этнических групп, призвал школьных учителей выступить совместно с этническими организациями «объединенным представительным фронтом», способными сдвинуть с места идею проведения национальной языковой политики.

ALAA подхватила эту идею и продолжила ее продвижение в подготовке конгрессов и выходе в свет серии публикаций. Кульминацией явился созыв в 1981 г. в Канберре конгресса, который наделил эту организацию функцией разработки проблем языковой политики на национальном уровне с привлечением сенаторов, принимавших конечные решения.

Последующая деятельность ALAA привела к тому, что проявились особенности национальной языковой политики на данном историческом этапе. Дебаты по многочисленным языковым проблемам выявили основные отличия от выводов, к которым пришла Президентская комиссия Перкинса в США [9] и от всей предшествующей деятельности ученых-австралийцев. Речь идет о статусе английского языка. Во главу научных интересов ученых и политиков и дальнейших разработок проблем, связанных с функционированием языков в полиэтническом ареале, был поставлен английский язык в качестве родного. Это, без сомнения, стало решающим шагом драматической трансформации в ряду потенциальных составных частей языковой политики. По мнению представителей лингвистических ассоциаций, наделение английского языка функциями родного языка явилось следствием признания наличия похожих проблем в областях применения как английского, так и других языков (LOTEs). Таким образом, в последующие два года в Австралии была сформулирована концепция языкового развития, в соответствии с которой английский язык был признан доминирующим языком континента.

Круг языковых интересов оформился в ходе работы Конгресса в 1981 г., проходившего в Канберре. Как отмечалось выше, результат деятельности лингвистического форума – формирование политического лобби в Парламенте, создание профессиональных языковых ассоциаций в поддержку проведения языковой политики на национальном уровне (PLANLangPol), а также создание соответствующего комитета, членами которого стали Ассоциация прикладной лингвистики Австралии, Лингвистическое общество Австралии, Ассоциация аборигенских языков, Австралийская ассоциация по преподаванию английского языка, Австралийская федерация учительских ассоциаций по преподаванию современных языков, Ассоциация литературы и языка. Активное участие в подготовительной работе приняли профессор Рос Стил, специалист по французскому языку из Сиднейского университета, и профессор Роналд Сасекс, специалист в области русского языка в Мельбурнском университете [8].

PLANLangPol осуществлял совместную деятельность с FECCA (Federation of Ethnic Communities Councils – Федерация комитетов этнических сообществ) и с местными ECCs (Ethnic Communities Councils – Комитеты этнических сообществ), а также с Федеральным отделом образования. Как представительный форум, он давал возможность членам и другим группам, не имеющим прямых контактов с PLANLangPol, развивать идеи языкового планирования посредством запросов в Сенате.

Национальная политика Австралии в сфере функционирования языков

В мае 1981 г. Федеральный отдел образования Австралии инициировал проект развития национальной политики в области функционирования языков. Данный проект был разработан рабочей группой Отдела по преподаванию языков и группой планирования в сфере образования. В докладе «Навстречу национальной языковой политике», представленном на Конгрессе 1981 г., Ч. Белц сформулировал центральную задачу для федерального департамента как координацию основных выводов в области языковой политики, которые были сформулированы ранее инициативной группой по определению основных принципов национальной языковой политики: «Перед нами стоит задача корректно сформулировать основные политические подходы в области функционирования языков этнических сообществ, языков аборигенов, языков национальных меньшинств, иностранных языков при поддержке двуязычных программ и программ для этнических школ, поскольку в стране отсутствует внятная языковая политика, которая отвечала бы всем выражениям наших национальных нужд» [2. Р.16].

При более внимательном прочтении документа становится понятной истинная цель авторов: с одной стороны, поддержать интерес австралийской нации к языковой политике, а с другой – проверить реакцию разнородного языкового сообщества на перспективное развитие социальных функций различных языков для внутренней и внешней коммуникации.

Позднее Департамент образования окончательно оформил свои взгляды на предмет проведения языковой политики как координацию усилий всех правительственных и общественных структур по определению приоритетов, поставив тем самым точку в серии аморфных проблем, которые накопились в языковой сфере за весь исторический период. Резонно заметить при этом, что вряд ли возможно было рассчитывать на серьезное финансирование данного проекта в ситуации экономического спада и урезания ассигнований на все без исключения программы такого уровня. Поэтому ставка была сделана на другие каналы проведения языковой политики в жизнь: школы, организации частного сектора, другие правительственные подразделения.

Мощным проводником основных принципов языковой политики явился DIEA (Department of Immigration & Ethnic Affairs – Департамент по иммиграции и этническим делам). Активисты министерского корпуса по иммиграционной политике, регулярно обращавшие внимание на важность взаимодействия языков на международной арене, оказывали помощь практическими советами как конгрессменам, так и исследователям-социолингвистам. Факт подобной профессиональной кооперации явился важным событием в общественной жизни Австралии, поскольку ранее вопросами закрепления позиций языков, отличных от английского, занимались преимущественно представители этнических лобби. Завершающим аккордом можно считать проведение в 1981 г. Конференции FECCA (Federation of Ethnic Communities Councils), целиком посвященной языковой политике на государственном уровне.

80-е г. XX в. вошли в историю Австралии как период активизации совместных усилий специалистов Департамента образования, основного отделения Сенатского комитета по образованию и искусству и депутатов обеих палат Парламента.

25 мая 1982 г. Сенатскому комитету было послано предписание «Развитие и осуществление скоординированной языковой политики для Австралии». Комитету вменялось в обязанности заниматься всем спектром языковых вопросов, включая:

- выпуск рекомендаций для национального языкового планирования,
- оказание содействия расширению функций английского в качестве первого и второго языка, обращая внимание при этом на взаимоотношения английского языка с другими языками Австралии,
- контроль за использованием языков в средствах массовой информации, включая печатную продукцию, этническое радиовещание и телевидение, оказание повсеместной поддержки использованию языков аборигенов в сфере образования,
- осуществление контроля за тенденциями в сфере преподавания языков и обучением в начальных и средних школах, сфере высшего образования,
- контроль за степенью адекватности существующей политики, практики, размещения ресурсов и программ, обеспечивающих необходимое развитие языкам Австралии,
- формулирование требований, предъявляемых к языкам Австралии, необходимых для внешнеэкономической деятельности, поддержания дипломатических отношений, обеспечения обороноспособности страны, развития туризма и культурного обмена, обращая внимание на региональные и международные связи Австралии,
- определение максимума языковых требований для слабослышащих и других недееспособных лиц,
- формулирование осознанного отношения и интереса со стороны населения Австралии к развитию языковой ресурсной базы,
- применение принципов языкового планирования на практике, включая определение приоритетов в данной области,
- расширение спектра образовательных услуг для службы устного и письменного перевода,
- определение уровня не владения английским языком среди взрослого населения и необходимости в реабилитационных дополнительных программах.

3 мая 1982 г. в газете “Australian” была опубликована статья под заголовком «Планирование билингвизма в Австралии», в которой сообщалось, что федеральное правительство предприняло радикальные шаги в сторону определения и принятия второго государственного языка. Министр по иммиграционной политике и этническим вопросам, господин Макфи, выразил идею формулирования основных принципов языковой политики, которая обеспечит будущим австралийцам практические навыки и умения в других, отличных от английского, языках. Эта точка зрения с симпатией была встречена официальными лицами, разделявшими мнение о том, что сознательное регулирование процессов языкового развития способно ослабить доминирующую роль английского языка в таких областях, как юриспруденция, администрирование, образование и даже повседневная коммуникация [3. Р.2].

Данная публикация вызвала незамедлительный резонанс. На следующий день вышла передовая статья «Опасность создания языковых гетто» [4. Р.8]. Смысл статьи заключался в том, что попытка провозгласить какой-то один из представленных в Австралии многочисленных этнических языков в качестве второго

официального языка может привести к расколу общества как на этнические, так и на лингвистические группы.

В тот же день началась изнурительная полемика Макфи с репортерами Australian. Газета обвинялась в неверной интерпретации предложений правительства. Общественности то и дело подбрасывались все новые и новые идеи относительно особенностей распределения языков по сферам употребления. С каждым годом набирали силу голоса, отстаивавшие тезис о том, что английский язык усиливает свои позиции на международном уровне и превращается в мировой язык. Следовательно, дальнейшее изучение других этнических языков становится все более бессмысленным. Преподавание родных языков и национальных культур детям вновь прибывшим в страну иммигрантов зачастую рассматривалось как ретроградский и разобщающий шаг. Более того, представители национальных меньшинств обрушивались с критикой идеи двуязычного образования, аргументируя неприятие ее простым фактом, согласно которому дети одинаково плохо начинают говорить как на родном, так и на английском языках. Бывали случаи, когда активисты из этнических групп открыто выступали за провозглашение английского языка официальным и первым языком австралийской нации.

Новый министр по иммиграционной политике, член Либеральной партии от штата Квинзланд, Джон Ходжиз, часто выражал скептицизм по поводу оказания всемерной поддержки этническим языкам. В качестве доказательства он приводил успешно осуществлявшуюся схему послевоенной иммиграционной политики, которая никогда не подвергала сомнению социальную целостность австралийского общества, но являлась результатом толерантного отношения и принятия идеи культурной диверсификации. «Эта схема оформилась без ЯП на национальном уровне и развития программ вторых языков» [5. Р.86]. Так что вопрос о том, какой язык использовать для общения, предлагалось больше не задавать. Австралия провозглашалась преимущественно англоговорящей страной.

Напротив, Департамент образования совместно с представителями FECCA и PLANLangPOL педантично продолжали включать в повестку дня своих заседаний широкий круг языковых проблем, будучи уверенными в том, что неотложные меры по осуществлению языковой политики на национальном уровне не смогут девальвировать роль английского языка как национального языка Австралии, не превратят население страны в носителей дву- и многоязычного сознания против его воли.

Предложения указанных общественных организаций по расширению социальных функций этнических языков не являются исключительно образовательной концепцией или дорогостоящей программой реформирования национального образования, навязанной сверху без надлежащих консультаций и сотрудничества с общественностью.

Применение принципов ЯП в современной Австралии во многом восходят к основным направлениям, которые были сформулированы два десятилетия назад. Эти направления включают в себя:

- определение статуса английского языка и его общественных функций,
- место языков аборигенов,
- приоритетное распределение языков, отличных от английского,
- потребность в национальном языке Австралии для нужд внешней коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Australia, Senate Standing Committee on Education and the Arts: Language on Policy Inquiry: Submissions).
2. Annual Report 1981: 16.
3. Australian 3 May 1982: 2.
4. Australian 4 May 1982: 8.
5. FECCA 1982: 86.
6. Ingram, D. (1979) The Case for a National Language Policy in Australia' Babel., v.15, no.1.
7. Ingram, D. (1981) Towards a National Language Centre in Australia' MLTAQ Journal no.10.
8. PLANLangPol Committee (1983) A National Language Policy for Australia Sydney: the Committee.
9. President's Commission on Foreign Language and International Study (1979) Report ("Perkins Report" Washington D.C.